

Санкт-Петербургский государственный университет

КОМПАРАТИВИСТСКИЙ АНАЛИЗ РУССКОЙ И НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ
КУЛЬТУР В РОССИИ XVIII-XIX ВЕКОВ

Выпускная квалификационная работа по направлению: философия
основная образовательная программа: бакалавриат

Исполнитель

Сергеева Анастасия Алексеевна

Научный руководитель

д. филос. н., профессор

Прозерский Вадим Викторович

Рецензент

кандидат филос. н., доцент

Овчинникова Елена Анатольевна

Санкт-Петербург

Оглавление

Generating Table of Contents for Word Import ...

Введение

Актуальность данной работы обусловлена все возрастающей значимостью компаративистики как направления гуманитарного знания, помогающего наиболее адекватно и беспристрастно отобразить представления одного народа о другом, что, в свою очередь, служит прочным фундаментом для преодоления этнических предрассудков, а также для развития принципов гармоничного сосуществования в мультикультурном пространстве.

Компаративистский анализ культур является одним из направлений культурологических исследований и широко применяется в современной культурологии. В рамках данного направления изучаются вопросы мультикультурализма, типологии и унификации культуры, проводится сравнительный анализ культур и т.д. Применяя различные способы сопоставления, исследователи стремятся выстроить целостное представление о культурной картине мира.¹

Целью данной работы является осуществление компаративистского анализа русской и немецкоязычной культур в России XVIII-XIX вв.

Предметом настоящего исследования является человек как носитель культуры, а точнее - этно-культурные характеры немцев, живших в России в обозначенный период, а также этно-культурные характеры носителей

¹ Борзова, Е.П. Сравнительная культурология.Т.1. Учебное пособие для высших учебных заведений – Спб, Издательство "СПБКО"-2013. – 239с.

русской культуры в сравнении с ними. При этом исследование отталкивается от определения этно-культурного характера как совокупности черт, присутствующих у большинства членов той или иной этнической группы и возникших в результате общности социально-исторического опыта и культурного развития.²

Компаративистский анализ в данной работе проводится *методами имагологии*. Имагология – область гуманитарного знания, культурологическая дисциплина, предмет исследования которой – образ представителя «чужой» культуры, образ «другого» в культуре.

Сравнительный анализ культур методами имагологии является компонентом предметного поля в работах таких известных исследователей, как Большакова А.Ю., Земсков В.Б., Копелев Л.З., Папилова Е.В., Dyserinck Н., Schwiderska М. и др. Подробнее о персоналиях и методах имагологии будет сказано в первой главе работы.

В качестве *источников* были использованы: документы русской и немецкоязычной прессы, издававшейся в России с XVIII по начало XX века, изданные дневники, фольклорные тексты; важнейшей частью работы является анализ текстов художественной литературы, произведений русских классиков, в которых создаются образы немцев с живыми чертами характеров и особенностями их жизни в России. Кроме того, была использована современная научная литература: труды по имагологическому анализу³; труды по литературоведческому анализу⁴ и

² Репина Л. П. «Национальный характер» и «образ другого // Диалог со временем. 2012. Вып. 39. – 432 с.

³ Земсков В.Б. На переломе: Образ России прошлой и современной в культуре, литературе Европы и Америки (конец XX - начало XXI вв.) / отв. ред. В. Б. Земсков. - М. : Новый хронограф, 2011. – 696 с.

⁴ Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Об искусстве. - СПб.: «Искусство - СПб», 1998. - 220 с.

теории литературы⁵; по истории имагологии⁶; по анализу текстов культуры⁷ и др.

В соответствии с целью работы в ней поставлены следующие *задачи*:

1. Дать определение предмета и методов имагологии, определить ее место среди других культурологических наук
2. Уточнить методы литературоведческого исследования художественного текста и методы построения художественного образа характера человека
3. Уточнить особенности имагологических методов анализа художественных текстов и других текстов культуры
4. Обосновать значимость имагологического метода для сравнительного изучения культур

Глава 1. Имагология как культурологическая дисциплина и метод изучения текстов культуры.

§1.1. Предмет и задачи имагологии

На сегодняшний день имагология образует сферу исследований в корпусе различных гуманитарных дисциплин: литературоведении, истории, социологии, этнологии и др. Ряд исследователей рассматривают имагологию как раздел и метод культурологии, изучающий представления народов друг о друге в рамках культурного диалога, устойчивые образы «другого», «чужого» (по отношению к воспринимающему сознанию) этноса, культуры, страны.

Благодаря своему междисциплинарному характеру имагология имеет возможность заимствовать материал из самых разных источников, как то: литература, фольклор, искусство, история, этнография, этнология и др. При этом исследования в рамках имагологии направлены на разработку

⁵ Хализев В. Е. Теория литературы: [Учебник для вузов] / В. Е. Хализев. - М.: Высш. школа, 1999. - 400 с.

⁶ Полякова О.А. Истоки отечественной имагологии // Концепт. 2016. №7.

⁷ Топоров В.Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» // Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. М.: Прогресс; Культура, 1995. - 624 с.

некой общей модели восприятия иноязычной культуры или культуры представителей иной культуры, существующих внутри титульной культуры той или иной страны.

Бесконечно значимым источником материала для имагологии является искусство, в силу его насыщенности различными образами, а также наиболее адекватного их воплощения. В литературоведении имагология выступает в качестве раздела компаративистики, анализируя образы «другого» (как представителя другой культуры) в художественных произведениях и устном народном творчестве.

Образ «другого» предстает в рамках имагологии, как сложившееся в конкретной социально-исторической среде обобщенное представление, имеющее эмоциональную окраску, а также определенную устойчивость.⁸ Говоря о культурологической имагологии, необходимо отметить, что материал, на котором она основывает свои теоретические построения (художественная литература), обладает достоверностью особого рода (например, в отличие от источников, с которыми работает историческая имагология). Художественное произведение, при всей своей условности, живо и ярко воссоздает характеры людей, их ценностные установки, манеру речи, межличностные отношения, стереотипы обыденного сознания, сложившиеся в той или иной социокультурной среде. В то же время, исследования в рамках имагологии требуют заимствования и привлечения определенных сведений, а также методологической базы из различных областей знания: истории, этнопсихологии, культурологии и т.д. Не менее важным источником для имагологии является язык. В языке находит свое отражение ментальная картина мира определенного народа, сложившаяся в ту или иную культурно-историческую эпоху. Рассматривая ее характерные черты, имагологическое исследование приобретает очень ценный источник информации.

⁸ Папилова Е. В. Имагология как гуманитарная дисциплина // Rhema. Рема. 2011. №4.

Схожим характером обладает и фольклорная имагология, изучающая различные жанры народного творчества для выявления распространенных стереотипов о «чужом» в массовом сознании.

Издревле существующее и понижающее культуру противопоставление «своего» и «чужого» является фундаментальным концептом имагологии. Именно устойчивое представление о «своем», сложившееся во всякой культуре, служит в качестве основы для восприятия и характеристики «чужого».⁹

Образ «чужого» является также архетипом в юнговском его понимании, то есть таким фундаментальным мотивом, в котором находит свое отражение коллективное бессознательное, и который также является основой для построения художественных образов. Это бинарный архетип, который, наряду с такими архетипами, как «жизнь – смерть», «движение – покой» и т.д., структурирует внешний мир, и, помещая в диалог противоположные величины, в значительной степени структурирует мышление человека.¹⁰

Представление о «другом» с течением времени прошло через ряд преобразований, начиная с древности, когда «другие» воспринимались как нечто диаметрально противоположное, как «нелюди», затем в античности, когда «чужие» уже стали узнавать друг друга, а затем традиция средневековья, продолженная Просвещением и романтизмом, поддерживала проявление интереса к «чужим», к их характерным чертам, менталитету, особенностями поведения, традициям, языку, жизненному укладу и т.д.

Представления о «чужом», отношение к нему нашли свое отражение в фольклоре и художественной литературе, которая изобразила исторически сложившиеся в массовом сознании устойчивые стереотипы о других культурах. В конце XIX - начале XX веков эти стереотипные образы стали

⁹ Папилова Е. В. Имагология как гуманитарная дисциплина // Rhema. Рема. 2011. №4.

¹⁰ Папилова Е. В. Имагология как гуманитарная дисциплина // Rhema. Рема. 2011. №4.

предметом научного исследования в рамках возникшего в этот же период направления, позднее получившего название «имагология».

§1.2 История развития имагологии как метода компаративистских исследований

Наиболее интенсивное развитие имагология получила во второй половине XX века, главным образом, во Франции. Первопроходцами в этом вопросе стали французские ученые Жан-Мари Карре и Мариус-Франсуа Гийяр, занимавшиеся исследованиями в области сравнительно-исторического литературоведения. В 1947 году Жан-Мари Карре опубликовал монографию «Французские писатели и немецкий мир: 1800-1940», в которой предпринял попытку проследить, каким образом складывался и далее существовал в французской литературе XIX-XX веков образ Германии. Мариус-Франсуа Гийяр в 1951 году написал книгу «Сравнительное литературоведение». Объектом внимания исследователя стал вопрос о том, каким образом в сознании отдельного человека или же в коллективном сознании возникают, а затем и закрепляются представления о других нациях. Примеру Гийяра и Карре последовали и другие деятели науки, также заинтересовавшиеся проблемой изучения образа «другого».¹¹

Так, французский исследователь И.Шеврель в своей работе «Сравнительное литературоведение» указывает на то, что имагология является важным и перспективным направлением компаративистики. Она берет материал из самых разных источников, что позволяет комплексно изучить представления одного народа о другом. В области имагологических исследований, как отмечает И.Шеврель, «рецепция» занимает господствующее положение, в отличие от «влияния», в силу своей глубокой связи с процессом коллективного восприятия («влияние» же носит индивидуальный характер).¹²

¹¹ Ощепков А. Р. Имагология // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 1. С. 251-253.

¹² Чернец Л.В. О тематике компаративистских исследований // Сравнительное литературоведение: Россия и Запад. XIX век: Учебное пособие. Под ред. Катаева В.Б., Чернец Л.В. М.: Высшая школа, 2008 – С.15.

Постепенно в рамках имагологии формируется новое течение, получившее название «культурная иконография», родоначальником которого стал Даниель-Анри Пажо. В своих статьях, посвященных данной тематике, французский ученый изложил основной концепт представленного им направления, который заключается в том, чтобы исследовать процесс формирования образов «чужого» под воздействием различных факторов, к которым автор причисляет политическую обстановку, историю, социальную сферу и т.д. Д.-А. Пажо настаивает на том, чтобы образ «чужого» в процессе изучения был включен в общий культурный контекст рассматриваемой исторической эпохи. Благодаря данному включению, с точки зрения Д.-А. Пажо, исследование образа другой культуры приобретает больший масштаб, а также позволяет установить, как, на основе каких критериев сам писатель выстраивал эти образы в своем произведении. При этом исследователь уделяет большее внимание не вопросу о том, насколько достоверным образ получается в итоге, а самому процессу построения этого образа, его принципам.¹³

Свое видение имагологии как отрасли сравнительного литературоведения излагает в работе «Принципы сравнительного литературоведения» болгарский исследователь А.Дима. Автор утверждает, что собирательный образ другого народа, другой культуры в той или иной литературе мира можно воссоздать в рамках имагологии путем изучения «межлитературных контактных связей и факторов, выступающих в роли посредников»¹⁴ (имеется в виду «знание иностранных языков, книгообмен, знакомство с журналами и газетами, деятельность кружков и салонов, переводы, адаптации и переработки, влияние и источники»¹⁵). Он также отмечает, что, несмотря на известную условность литературного произведения, образы «другого», содержащиеся в нем, имеют особую

¹³ Поляков О. Ю. Принципы культурной имагологии Даниэля-Анри Пажо // Вестник ТГГПУ. 2013. №2 (32)

¹⁴ Дима А. Принципы сравнительного литературоведения. Москва: Прогресс, 1977. – С.148.

¹⁵ Дима А. Принципы сравнительного литературоведения. Москва: Прогресс, 1977. – С.148.

важность, особую выразительность и убедительность, благодаря силе художественного слова. При этом сложившиеся в той или иной культуре представления о «другом» не являются статичными, они изменяются во времени под воздействием самых разных факторов, как то: политические события, социальные и экономические сдвиги, а также изменения в сфере культуры.¹⁶

Польская исследовательница М.Швидерска, основываясь на утверждении ученого-компаративиста Ж.-М.Мура об интегрирующей и разрушающей роли образов «чужого» в литературе, говорит о том, что литературоведческую имагологию можно рассматривать как герменевтический метод объяснения глубинных смыслов феномена «чужого», нашедшего свое отражение в художественных произведениях.

На примере творчества Ф.М.Достоевского, автор предлагает связать изображение образа поляка в негативном ключе с идеологическими и религиозными убеждениями самого автора, согласно которым, именно православная, родная ему культура, содержала в себе все самое хорошее, доброе и светлое, в то время как культура католической Польши являлась транслятором всего чужого, враждебного и мирского.¹⁷

Немецкий ученый Х.Дизеринк в работе «Компаративистская имагология. О политической значимости литературоведения в Европе» придает имагологии особую функцию, представляя ее в качестве такой области гуманитарного знания, которая создает условия для узнавания различными народами друг друга, что, в свою очередь, является особенно важным в условиях мультинациональности европейского пространства.¹⁸

¹⁶ Дима А. Принципы сравнительного литературоведения. Москва: Прогресс, 1977. – 229 с.

¹⁷ Schwiderska M. Das literarische Werk F.M.Dostoevskijs aus imagologischer Sicht mit besonderer Berücksichtigung der Darstellung Polens. Muenchen, 2001

¹⁸ Dyserinck H. Komparatistische Imagologie. Zur politischen Tragweite einer europäischen Wissenschaft von der Literatur // Europa und das nationale Selbstverständnis: Imagologische Probleme in Literatur, Kunst and Kultur des 19. und 20. Jahrhunderts. Bonn, 1988. S. 13-33.

Отечественная имагология также начала развиваться в рамках литературной компаративистики как одно из тематических ответвлений. Теоретические основы отечественной имагологии закладывались интеллектуалами советского периода, которые представляли литературу и содержащиеся в ней образы в качестве одного из важнейших факторов, оказывающих влияние на процесс межкультурной коммуникации. Советский ученый Б. Г. Реизов был одним из первых, кто обратил внимание научного сообщества на важность изучения процесса складывания и функционирования образов «чужого» в литературе, а также на то, какое значение они имеют в вопросах международных контактов. Кроме того, дополнительную окраску новому научному направлению придали рассуждения М.М.Бахтина о необходимости диалога культур, в котором все полнее и ярче раскрываются новые и новые грани обеих сторон коммуникации.¹⁹

На современном этапе развития имагологии наибольший вклад в данную область знания внес В.Б.Земсков. Широкое признание в научных кругах получила его работа «Образ России «на переломе» времен (теоретический аспект: рецепция и репрезентация «другой» культуры)», в которой ученый, на основе масштабных исследований художественной литературы таких стран, как Германия, Англия, Франция, Польша, Сербия, Америка, Канада, Испания изложил теоретические и методологические основы имагологии. Прежде всего, имагология понимается им как «междисциплинарная, интегративная дисциплина»²⁰, которая изучает «рецепцию своего мира или мира других/чужих»²¹. В то же время автор характеризует имакологию как особую форму миропознания, издревле присущую человечеству, отличительными чертами которой являются

¹⁹ Полякова О.А. Истоки отечественной имагологии // Концепт. 2016. №7.

²⁰ Земсков В. Б. Образ России в современном мире и другие сюжеты / отв. ред., сост. Т. Н. Красавченко. М.; СПб., 2015. – С.9.

²¹ Земсков В. Б. Образ России в современном мире и другие сюжеты / отв. ред., сост. Т. Н. Красавченко. М.; СПб., 2015. – С.9.

«универсальность и постоянная «зеркальная» обращенность к реальности, к культуре»²². При этом имагологии отводится задача глобального характера - воссоздать «образ всего бытия в его целостности» через «воссоздание целостного образа бытия отдельных исторических субъектов».²³

Кроме того, В.Б.Земсков вводит такие понятия, как *стереотип*, *имидж*, *образ*. Стереотип, согласно его концепции, является первичной имагологической формой, которая может служить основой для дальнейшего построения имиджа и образа. Образ, в отличие от стереотипа, многогранен, широк и многозначен, это, прежде всего, образ художественный, детище литературы, искусства, именно через него достигается и в нем выражается видение «другого». Имидж определяется автором как средство политической пропаганды, компонент идеологии. Стереотип, имидж и образ дают нам возможность рассмотреть ту или иную культуру с трех разных граней, сопоставив которые, мы, по мнению В.Б.Земскова, можем сконструировать суммарный портрет «другого», «чужого». При этом важно учитывать то, что воссоздаваемые имагологические портреты имеют свою динамику, движутся вместе с историей, наращивая постепенно все новые и новые слои, приобретая новые краски, но не отбрасывая первоначальных характеристик, которые актуализируются в зависимости от тех или иных исторических событий.²⁴

Наряду с В.Б.Земсковым в области отечественной имагологии свой вклад в ее развитие внесли: С.С.Аверинцев, М.П. Алексеев, В.Е.Багно, А.Ю.Большакова, А.Д.Михайлов, А.Н. Веселовский, Л.Н. Гумилев, В.М. Жирмунский, Д.С. Лихачев, Ю.М. Лотман, Н.П.Михальская, Г.Н. Пospelов и другие. Они вновь и вновь обращают внимание научного

²² Земсков В. Б. Образ России в современном мире и другие сюжеты / отв. ред., сост. Т. Н. Красавченко. М.; СПб., 2015. – С.10.

²³ Земсков В.Б. Образ России “на переломе” времен (Теоретический аспект: рецепция и репрезентация “другой” культуры) // Новые российские гуманитарные исследования. 2006. №1.

²⁴ На переломе: Образ России прошлой и современной в культуре, литературе Европы и Америки (конец XX - начало XXI вв.) / отв. ред. В. Б. Земсков. - М. : Новый хронограф, 2011. - 696 с.

сообщества на необходимость нового взгляда на процесс межкультурной коммуникации, выделение его новой грани.

Имагология выступает в качестве перспективного и востребованного направления в сравнительном литературоведении, при этом обращается внимание на взаимодействие данной области знания с философией, этнопсихологией, социальной психологией, этнографией, лингвистикой, этнолингвистикой, лингвокультурологией, социологией. Междисциплинарный характер имагологии актуализирует потенциал этих наук.²⁵

Теперь перед нами стоит задача рассмотреть различие литературоведческого и имагологического методов анализа литературных текстов, которые входят в корпус текстов культуры, но отличаются от других текстов своими особенными чертами.

Глава 2. Методы литературоведческого исследования художественного текста и характера персонажей

§2.1. Методы исследования художественного текста

В этой главе мы рассмотрим методологию анализа литературного произведения, а в следующей главе дадим собственные примеры подобного анализа.

Говоря о литературоведческом анализе, следует сразу отметить, что особый акцент делается на следующих элементах художественного произведения: это стиль и язык автора, индивидуальные черты героя, его портрет, характер, психология, поведенческие и речевые особенности, особенности костюма, время и пространство, в которое помещает его писатель. Существуют также и другие аспекты исследования художественного текста, обозначенные в работах некоторых ученых.

Литературовед В.Е.Хализев, к примеру, говорит о важности исследования того или иного произведения исключительно в контексте.

²⁵ Полякова О.А. Истоки отечественной имагологии // Концепт. 2016. №7.

Под контекстом в данном случае понимается сочетание как художественных, так и «внехудожественных», «внетекстовых»²⁶ факторов, т.е. биографические сведения, психологический портрет автора, черты исторической эпохи и культуры, к которой он принадлежит. Кроме того, важными представляются особенности творческого пути писателя. Контексты литературных произведений, в зависимости от степени конкретности, разделяют на ближайшие и удаленные. К первым можно отнести творческую историю произведения, биографию автора, сведения о его семье и ближайшем окружении. Ко вторым следует относить различные особенности культурно-исторической эпохи. Контекст во всем его многообразии является бесконечно важной составляющей литературоведческого исследования. Чем шире ученый охватывает контекст, тем большей глубиной обладают анализ и интерпретация художественного текста.²⁷

Интерпретация должна быть имманентна произведению, уклонения от внутренних свойств художественного текста недопустимы. Нормы толкования произведения следует искать в нем же. Субъективное восприятие не исключено, но исследователь в этом плане всецело предоставляет себя автору, пытается увидеть смысл его глазами, позволяет автору говорить за себя. Важна не точность познания, а глубина проникновения.²⁸

Интерпретация неотделима от индивидуального опыта исследователя, не имеет установленных границ. Возможностей и путей интерпретации великое множество, однако, ни одним из них не может быть полностью исчерпано смысловое содержание произведения. Ни одна интерпретация не может претендовать на передачу абсолютной истины. При этом любая

²⁶ Хализев В. Е. Теория литературы: [Учебник для вузов] / В. Е. Хализев. - М.: Высш. школа, 1999. - С.291.

²⁷ Хализев В. Е. Теория литературы: [Учебник для вузов] / В. Е. Хализев. - М.: Высш. школа, 1999. - 400 с.

²⁸ Хализев В. Е. Теория литературы: [Учебник для вузов] / В. Е. Хализев. - М.: Высш. школа, 1999. - 400 с.

литературоведческая трактовка художественного произведения с необходимостью должна иметь четкую формулировку и прочную аргументацию, в ней должны быть отражены связи отдельных компонентов текста в рамках одного целого.²⁹

§2.2. Художественные методы создания характера

Говоря о методах создания характера в художественном произведении, мы будем использовать методологию Ю.М.Лотмана, изложенную в работе «Структура художественного текста».

Ю.М.Лотман выделяет проблему характера как одну из основных в области эстетики, отмечая при этом, что художественный характер имеет свою особую специфику, которая существенно отличается от понимания типического характера человека в нехудожественной литературе.

Ю.М.Лотман предлагает нам на примере конкретных литературных произведений проследить, как строятся характеры персонажей, выбирая при этом те сцены, где они помещены в оппозицию по отношению друг к другу. Структура характера героев может быть прослежена благодаря их сопоставлению. Важным моментом здесь является выделение некоего общего основания, которое служит опорой для сравнения, а также противопоставленных друг другу элементов. Например, мы можем иметь в качестве основы какой-либо предмет, о котором каждый из сопоставляемых героев высказывается по-разному. При этом они могут обладать сходными и даже идентичными внешними признаками, оказываясь в абсолютно одинаковых ситуациях. Если мы проводим сопоставление одного персонажа с несколькими другими последовательно, то мы можем формировать перечень признаков, объединив которые мы получим набор его характерных черт.³⁰

²⁹ Хализев В. Е. Теория литературы: [Учебник для вузов] / В. Е. Хализев. - М.: Высш. школа, 1999. - 400 с.

³⁰ Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Об искусстве. - СПб.: «Искусство - СПб», 1998. -220с.

Следует также уделить должное внимание таким случаям, когда описание того или иного литературного персонажа дает нам другой персонаж на своем языке. Здесь мы имеем дело с трансформацией характера описываемого героя благодаря переводу его свойств на иной язык – язык, отражающий представления другого. Нельзя забывать о том, что в данной ситуации мы получаем двойную характеристику: характеристику того, о ком говорят и характеристику того, кто говорит.

Не стоит, однако, стремиться к приведению характера того или иного персонажа к общему знаменателю. Поведение героя не исчерпывается какой-либо однонаправленной траекторией. Напротив, его поведение представляет собой набор возможностей «...единый на уровне идейной структуры, вариативный - на уровне текста.»³¹

Глава 3. Примеры литературоведческого анализа образов немцев в произведениях русских классиков

§3.1 Примеры литературного анализа персонажей произведений: А.С.

Пушкин «Пиковая дама», Ф.М. Достоевский «Двойник»

Попробуем проиллюстрировать основные методы литературоведческого изучения художественного произведения на конкретных примерах анализов произведений русских классиков, создающих образы немцев, ассимилированных в русскую культуру, но сохранивших многие национальные черты.

Повесть А.С. Пушкина «Пиковая дама» вышла в свет в журнале «Библиотека для чтения» в 1834 году. В основу сюжета, как полагают исследователи, легла история, рассказанная Пушкину князем Голицыным. В частности, прототипом к образу старухи графини послужила Наталья Петровна Голицына. Она когда-то действительно жила в Париже и играла в карты, а однажды Сен-Жермен назначил ей выигрышную комбинацию.

³¹ Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Об искусстве. - СПб.: «Искусство - СПб», 1998. С.161.

Позже она сказала о них своему проигравшемуся внуку, и тот сумел вернуть деньги.³²

Произведение принадлежит к особому роду литературы – эпосу, по жанру представляет собой повесть, хотя некоторые литературные критики, в частности, В.Г. Белинский³³, а также О.И. Сенковский³⁴, называли «Пиковую даму» рассказом ввиду относительно небольшого объема, малого количества героев, а также однородной сюжетной линии.

В произведении присутствует ярко выраженный элемент мистики, на протяжении всего произведения читатель сталкивается с такими явлениями, как тайна, рок, необъяснимые совпадения, смерть, похороны, призрак, при этом события сменяют друг друга неожиданно. Однако эта составляющая двойственна: с одной стороны, она придает повести фантастический характер, а с другой – происходящее имеет все основания быть следствием одержимости главного героя вполне конкретной, материальной целью, что, в свою очередь, позволяет нам свести всю мистику к сумасшествию Германна, и повесть, таким образом, приобретает вполне реалистичный характер.

Шесть частей и небольшое заключение составляют композицию произведения. В первой части происходит завязка сюжета, в третьей события достигают кульминации, в шестой части читателя ожидает развязка. Каждая из этих частей начинается с небольшого эпиграфа, который как бы подготавливает нас к восприятию последующих событий.

Герои повести являются представителями разных поколений и занимают разные социальные ниши. Анна Федоровна – представитель старой аристократии, живущей прошлым. Германн и Лиза – люди новой эпохи, в которой всем правят деньги, а людьми во многом движет

³² А. С. Пушкин. Собрание сочинений в 10 томах. М.: ГИХЛ, 1959–1962. Том 5. – С.642

³³ Белинский В. Г. Собрание сочинений. В 9-ти томах. Т. 1. Статьи, рецензии и заметки 1834 - 1836. Дмитрий Калинин. Вступит. статья к собр. соч. Н. К. Гея. Статья и примеч. к первому тому Ю. В. Манна. Подготовка текста В. Э. Бограда. М., "Художественная литература", 1976. – С.217

³⁴ Сенковский О.И. [рец. на] Мельгунов Н.А. Рассказы о бывалом и небывалом // Библиотека для чтения. 1834. Т. III. Отд. 6. – С. 5.

стремление заполучить себе состояние. Лиза терпит причуды и капризы старухи ради денег, а Германн ради них же идет на подлость. А.С. Пушкин отводит ему главную роль, помещая в водоворот событий, имевших впоследствии роковой исход. Писатель как будто проверяет на прочность честолюбивого Германна, в стремлениях к финансовой независимости не позволявшего себе ни малейшей прихоти и убежденного в том, что «...расчет, умеренность и трудолюбие»³⁵ - его главные козыри. Всегда удерживающий себя от азартных игр, не способный «...жертвовать необходимым в надежде приобрести излишнее.»³⁶, Германн все же не может устоять перед соблазном преумножить свое материальное состояние. У него «профиль Наполеона»³⁷ и «душа Мефистофеля»³⁸, но, в отличие от самого Наполеона, желавшего получить в свое владение весь мир, и Мефистофеля, соперничавшего с Богом за душу Фауста, поступки Германна были основаны на практическом интересе гораздо меньшего масштаба - увеличить свой капитал. Ради этого он решается и на любовную интригу, и на проникновение тайком в дом старой графини, и на мольбы и увещевания. При этом он испытывает «... нечто похожее на угрызения совести...»³⁹, но в целом он хладнокровен. И даже после внезапной смерти графини он сожалеет только о безвозвратной утрате той тайны, на которую он возложил так много надежд. Появление призрака в его комнате, а также три магических числа, суливших ему богатство, представляется здесь читателю либо жутким мистическим событием, либо всего-навсего игрой воображения зациклившегося на мечте об обогащении молодого человека. Так или иначе, судьба, которую Германн задумал подчинить своим желаниям, сыграла с ним злую шутку. Раз в жизни

³⁵ А. С. Пушкин. Собрание сочинений в 10 томах. М.: ГИХЛ, 1959–1962. Том 5. - С.243

³⁶ А. С. Пушкин. Собрание сочинений в 10 томах. М.: ГИХЛ, 1959–1962. Том 5. - С.242

³⁷ А. С. Пушкин. Собрание сочинений в 10 томах. М.: ГИХЛ, 1959–1962. Том 5. - С.252

³⁸ А. С. Пушкин. Собрание сочинений в 10 томах. М.: ГИХЛ, 1959–1962. Том 5. - С.252

³⁹ А. С. Пушкин. Собрание сочинений в 10 томах. М.: ГИХЛ, 1959–1962. Том 5. - С.248.

решившийся рискнуть и отступить от своих жизненных принципов, положившись на пророчество старой графини, он был жестоко обманут. Читатель понимает, что, потеряв свой капитал, немец потерял и твердую почву под ногами. Возможно, он не смог простить себе эту сделку с изменчивой фортуной, свою неспособность рассчитать наперед все возможные риски. Результатом всего этого стало сумасшествие несчастного Германна. Испытание, которому жизнь подвергла расчетливость, честолюбие и сдержанность молодого немца, оказалось провалено.

Еще одно произведение, которое хотелось бы взять в качестве примера – «Двойник» Ф.М.Достоевского. Повесть была опубликована в журнале «Отечественные записки» в 1846 году. Однако она не обрела ожидаемого успеха у публики. По прошествии более десяти лет писатель внес в нее значительные изменения, убрав целый ряд эпизодов и повторений, усложнявших восприятие, замедлявших развитие сюжета и отвлекавших читателя от основной проблемы.⁴⁰

Жанровое своеобразие произведения Ф.М. Достоевский в окончательном варианте обозначает следующим образом – «Петербургская поэма», что сразу отсылает нас к произведениям Гоголя, также назвавшего поэмой «Мертвые души». Опираясь на ключевые признаки произведения, можно отнести «Двойника» к жанру повести. Она так же, как и «Пиковая дама» Пушкина содержит элементы фантастики, которые, в свою очередь, также носят двойственный характер, с одной стороны создавая мистическую атмосферу, с другой – подталкивая нас к мысли о сумасшествии главного героя.

Исследователь В.Д. Рак в своей работе указывает на то, что прототипом для создания образа Голядкина послужил реальный человек – писатель

⁴⁰ Арсентьева Н.Н. Двойник // Достоевский: Сочинения, письма, документы: Словарь-справочник. СПб.: Пушкинский дом, 2008. – С. 55-64.

Я.П. Бутков, с которым сам Достоевский был хорошо знаком.⁴¹ Яков Петрович Голядкин работает титулярным советником, он простодушен и добр, не склонен к притворству и интригам, прямолинеен. При этом он отчетливо ощущает свою слабость, он понимает, что является «маленьким человеком», его амбиции ущемлены, в каждом неосторожном взгляде, жесте, слове другого человека он видит обиду, подозревает заговор. Внезапно его опасения становятся реальностью, по непонятным причинам он теряет расположение некогда благосклонных к нему людей. Вскоре он узнает, что у него появился двойник, который со временем превращает его в жизнь в череду несчастий и глубоких потрясений.

Последующие эпизоды повести даны в гротескно-трагическом стиле, в них грани между реальностью и плодами болезненного воображения Голядкина стираются, он становится жалким и глубоко несчастным человеком. Эту атмосферу поддерживает пейзаж города, рисуемый Достоевским: Петербург всегда хмурый, грязный, мутный и дождливый, цвета блеклые. Особенно сильно краски сгущаются при встрече Голядкина с двойником. Погода как будто становится помощником последнего: если есть ветер, то он воет, заставляя скрипеть и дрожать все вокруг; если идет дождь, то капли его похожи на острые иголки, если идет снег, то он падает кучами («Ночь была ужасная, ноябрьская — мокрая, туманная, дождливая, снежливая... Ветер выл в опустелых улицах, вздымая выше колец черную воду Фонтанки и задорно потрагивая тощие фонари набережной, которые в свою очередь вторили его завываниям тоненьким, пронзительным скрипом, что составляло бесконечный пискливый дребезжащий концерт...шел дождь и снег разом. Прерываемые ветром струи дождевой воды прыскали чуть-чуть не горизонтально, словно из пожарной трубы, и кололи и секли лицо господина Голядкина, как тысяча булавок и шпилек...»⁴²; «...погода была ужаснейшая. Снег валил хлопьями и

⁴¹ Рак В.Д. Комментарии: Ф.М.Достоевский. Слабое сердце // Ф.М. Достоевский. Собрание сочинений в 15 томах. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1988. Т. 2. – С.545-548.

⁴² Ф.М. Достоевский. Собр. соч. в 15 тт. Т. 1. – С.182.

всячески старался, с своей стороны, каким-нибудь образом залезть под распахнувшуюся шинель настоящего господина Голядкина.»⁴³)

В повести мы также можем видеть образ немца. Здесь доктор медицины и хирургии Крестьян Иванович Рутеншпиц является второстепенным персонажем, которому, однако, пришлось поставить точку в истории главного героя. Примечательно даже само имя немца, которое, очевидно, было присвоено ему русскими. Немецкое Христиан (Christian) заменено на привычное русскому уху Крестьян, и, конечно же, к имени прибавлено еще и отчество чисто русское – Иванович. Если в «Пиковой даме» Пушкина мы знаем только фамилию главного героя и его немецкое происхождение, то здесь, благодаря одному только имени, читателю представляется образ петербургского немца, очевидно, уже долгие годы, если не поколения, вращающегося в русскоязычной среде и ставшего привычным и как будто бы своим. Лишь последние слова, произнесенные Крестьяном Ивановичем в карете, подчеркивают «немецкость» данного персонажа. «Ви получаете казенный квартир, с дровами, с лихт и с прислугой, чего ви недостойн,..»⁴⁴ – звучит как приговор несчастному господину Голядкину. Действительно, для главного героя немцы являются предметом его сильнейшего негодования, причиной всех несчастий, внезапно свалившихся ему на голову, ночным кошмаром наяву. Помимо «...не лишенных еще приятности немочек»⁴⁵ официанток, мало понимающих по-русски и периодически встречающихся господину Голядкину, в поэме также фигурирует еще одно лицо немецкого происхождения - Каролина Ивановна. «Немка, подлая, гадкая, бесстыдная немка, Каролина Ивановна...»⁴⁶ – так говорит о ней главный герой.

⁴³ Ф.М. Достоевский. Собр. соч. в 15 тт. Т. 1. – С.265.

⁴⁴ Ф.М. Достоевский. Собр. соч. в 15 тт. Т. 1. – С.294.

⁴⁵ Ф.М. Достоевский. Собр. соч. в 15 тт. Т. 1. – С.260.

⁴⁶ Ф.М. Достоевский. Собр. соч. в 15 тт. Т. 1. – С.161.

Читателю не дается сколько-нибудь содержательное описание этого персонажа, он ни разу не сталкивается с ним «лично», но видит его сквозь призму высказываний господина Голядкина, который убежден в том, что именно немка Каролина Ивановна является главным зачинщиком направленного против него заговора. В этой поэме Достоевского немцы играют одну из ключевых ролей в судьбе главного героя. Каролина Ивановна и Крестьян Иванович становятся для него настоящим кошмаром. Одна начинает его мучения, а другой выносит ему приговор. При этом автор добавляет высказыванию Крестьяна Ивановича ярко выраженный немецкий акцент, что еще более убеждает господина Голядкина, а вслед за ним и читателя, в справедливости его догадок и негодования.

§3.2 Анализ образа героя повести Н.С.Лескова «Железная воля»

Представляется важным продемонстрировать указанные теоретические положения на конкретном примере, взяв для этого образ Гуго Пекторалиса в произведении Н.С.Лескова «Железная воля».

Немецкоязычное население России занимало, как известно, самые разные социальные ниши, от мелких ремесленников и крестьян-колонистов до преуспевающих предпринимателей, высокопоставленных чиновников, деятелей науки и культуры. Вполне естественным следствием, вытекающим из данного обстоятельства, стало постепенное включение немцев буквально во все сферы жизни российского общества. Со временем они стали довольно привычным явлением повседневности, а замечательные литературные произведения русских классиков запечатлели образ немца в русской культуре.

Главным героем повести «Железная воля» является немец Гуго Пекторалис из маленького городка Доберана в Мекленбург-Шверине – инженер, прибывший в Россию по приглашению английских предпринимателей. Автор предлагает нам с самого начала проследить процесс погружения этого чужеземца в новую среду. И сразу же нам бросаются в глаза все те же черты характера, которые кажутся уже

неотъемлемыми, – неукоснительное соблюдение заранее себе же предписанных правил, строгое следование намеченному плану, экономия и сдержанность во всем, неуклонное движение к поставленной цели. Гуго сразу же заявляет, что у него «железная воля» – главное его достоинство, предмет его гордости, которое непременно еще сослужит ему хорошую службу и поможет «Быть господином себе и тогда стать господином для других...»⁴⁷. Свою железную волю и решительность он сразу демонстрирует поступками. Упрямство, с которым он следует своим убеждениям и целям, ставит его иногда в комичное, а иногда и в очень опасное положение. Не раз на протяжении своего пребывания в России Гуго жертвует своим здоровьем и деньгами ради поддержания репутации твердого и волевого человека. Однако очень скоро становится понятно, что его железная воля, вместо верного помощника, становится его постоянным препятствием на пути к цели. Будучи прекрасным, опытным специалистом, он теряет уважение и доверие своих клиентов и терпит большие убытки. Вместо того, чтобы, согласно плану, «стать господином для других», он дает окружающим все новые и новые поводы для сплетен и насмешек. Наконец, Гуго теряет все, и единственное, что у него осталось – это его железная воля, которой он так дорожит, и которая заставляет идти на очередное, последнее безрассудство и погибнуть нелепой смертью. Все несчастья, что выпали на долю Гуго Пекторалиса, вызывают у читателя жалость и сочувствие. Разумеется, не может не удивлять его моральная стойкость, его усердие в работе, которые помогли ему, например, выучить чужой язык за полгода, наладить производство на предприятии, пережить предательство жены и не впадать в отчаяние.

На протяжении всей повести автор вводит образ немца в сопоставление с образом русского. Ярким примером является эпизод с судебной тяжбой Гуго Пекторалиса и Сафроныча. Несмотря на то, что Сафроныч уже стар, беспечен и вял, он в итоге занимает выигрышное положение. Отказавшись

⁴⁷ Н. С. Лесков. Собрание сочинений в 11 томах. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. Т. 6. – С.17

уступить свою территорию Пекторалису («Я своему отечеству патриот - и с места не сдвинусь»⁴⁸), он губит свое дело, но по иску о возмещении убытков начинает получать от немца ежедневно по пятнадцать рублей. Здесь мы видим такого рода противостояние, в котором странным образом выигрывает слабый, безынициативный и безвольный. Упорство и принципиальность Пекторалиса, его усердие вызывают у русского окружения не уважение, а непонимание и насмешку. Что же для нас ценится больше? Очевидно, что это не прямолинейность, не твердость и принципиальность, доходящие до упрямства, не кропотливый труд и настойчивость, а хитрость, умение максимально выгодно устроиться в жизни, прилагая как можно меньше усилий. Сафроныч гордится тем, что «обвел немца вокруг пальца». Последнее «противостояние» немца и русского в этой повести завершилось смертью главного героя. «Сам Флавиан в споре не участвовал, а только ел, да ел»⁴⁹. Пекторалис не отставал, но вдруг залез под стол и захрипел. «Неужели помер?» – вскричали все в один голос. А отец Флавиан перекрестился, вздохнул и, прошептав «с нами Бог», подвинул к себе новую кучку горячих блинков»⁵⁰. Железная воля и упрямство немца окончательно разбились о невозмутимость русского. Ситуация оказалась яркой иллюстрацией поговорки «Что русскому хорошо, то немцу – смерть».

Стоит также отметить, что повесть начинается со спора товарищей о том, кто же сильнее: русский или немец? Ведь у немца все-таки «железная воля», а русский человек слабоволен, и оттого победить ни за что не сумеет, так что и спорить нам с немцем бесполезно. Однако история Гуго Пекторалиса и эпиграф к повести («Ржа железо точит») наводят нас на

⁴⁸ Н. С. Лесков. Собрание сочинений в 11 томах. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. Т. 6. – С.44.

⁴⁹ Н. С. Лесков. Собрание сочинений в 11 томах. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. Т. 6. – С.86.

⁵⁰ Н. С. Лесков. Собрание сочинений в 11 томах. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. Т. 6. – С.86.

размышления о том, что, как бы ни была тверда воля немца, она же в итоге и сыграет против него, оставив победу за русским характером.

Глава 4. Имагологические (культурологические) методы анализа литературных текстов

В художественных текстах главным носителем и транслятором чужой национальной культуры и менталитета является персонаж-иностранец или представитель иноязычной культуры внутри титульной культуры. Примером могут служить не только такие персонажи, как Германн в «Пиковой даме» Пушкина, Гуго Пекторалис в «Железной воле» Лескова, но и Сергей Тальберг в «Белой гвардии» Булгакова, Инсаров в «Накануне» Тургенева и др. При этом особенности характера героя-иностранца могут быть раскрыты в большей или меньшей степени. Помимо характеров персонажей, важным источником для конструирования образа «чужого» являются высказывания героев, отражающие сложившиеся стереотипные представления о другом этносе, другой культуре. Таким образом, мы имеем дело с текстом как многоуровневым объектом исследования. Само исследование также может быть многоуровневым и иметь разный по широте охват (от одного конкретного художественного произведения до национальной и даже мировой литературы).

Возникновение тех или иных этнических стереотипов основывается, в первую очередь, на историческом опыте общения с представителями «чужой» культуры, этноса, а желание узнавать эту «чужую» культуру подкрепляется с необходимостью возникающим удивлением перед всем необычным и новым. В современных условиях глобализации потребность в достижении взаимопонимания народов стоит особенно остро. В этом аспекте развитие имагологии как области знания, позволяющей нам изучить процессы возникновения и трансформации образа «другого» в той или иной культуре, представляется особенно важным.

Попробуем проиллюстрировать основные принципы имагологического анализа текстов культуры на конкретных примерах, используя типологию Земскова: стереотип – имидж – образ.

§4.1 Стереотип

Как уже было обозначено ранее, стереотип является первичной имагологической формой, основу которой следует искать в *фольклоре*. В отличие от художественного произведения, имеющего своего автора – носителя сугубо индивидуального мнения и мировоззрения, жизненного опыта, в том числе опыта взаимодействия с представителями «чужой» культуры – фольклор выражает представления о «другом», принадлежащие народу в целом. Существуют определенные признаки, позволяющие говорить о том, что мы имеем дело со стереотипом, это: простота, статичность, а также отображение как правило какой-либо одной стороны национального характера.⁵¹

Если говорить именно о немцах как персонажах народного творчества, то можно наблюдать, что чаще всего они изображаются с большой долей комичности и могут нести в себе идеологическую составляющую. Примером могут послужить такие русские пословицы, как «Русские

⁵¹ Земсков В.Б. На переломе: Образ России прошлой и современной в культуре, литературе Европы и Америки (конец XX - начало XXI вв.) / отв. ред. В. Б. Земсков. - М. : Новый хронограф, 2011. - 696 с.

немцев за пояс заткнут (или шапками закидают)», «Прусский гут, а русский гутее», «Русский немцу задал перцу»).⁵²

Кроме того, немало существует русских пословиц, указывающих на хитрость и изобретательность немцев, например: «Хитра лиса - хитрее лисы немец», «Немец, что верба: куда ни ткни, тут и принялся», «У немца на все струмент есть», «Немец без штуки с лавки не свалится», «Немец хитер: обезьяну выдумал». ⁵³

Есть также пословицы, в которых два народа, русские и немцы, противопоставляются друг другу, например: «У немцев шинели не по русской метели», «Родом из немчин, а указывать горазд», «Немец своим разумом доходит, а русский – глазами», «Немец с шумом идет, русский - сметкой берет», «Немецкую масленицу справлять», «Что русскому хорошо, то немцу – смерть». ⁵⁴

Е.В.Папилова в работе «Художественная имагология: немцы глазами русских (на материале литературы XIX в.)» обращает внимание на то, что слово «немец» в народе вплоть до XIX века являлось неким универсальным наименованием для любого иностранца (в основном, прибывшего из Западной Европы), не умеющего к тому же говорить по-русски. Приведя в качестве примера пословицу «У немца (француза) ножки тоненьки, душа коротенька», исследователь отмечает взаимозаменяемость понятий «немец» и «француз» и указывает на непринципиальность в их разграничении для русского сознания.

Также Е.В.Папилова выделяет другой аспект, говоря о том, что «немцем» вполне мог считаться человек, не исповедующий православие, вследствие чего это слово могло быть воспринято как ругательство. В

Даль В.И. Пословицы русского народа: в 3 т. Т.2. М.: Худ. литература, 1984. – С.115

⁵² Даль В.И. Пословицы русского народа: в 3 т. Т.2. М.: Худ. литература, 1984. - С.125

⁵⁴ Даль В.И. Пословицы русского народа: в 3 т. Т.2. М.: Худ. литература, 1984. - С.125.

качестве примера может послужить следующая пословица: «Немецчина хитрая, безверная, бусурманская».⁵⁵

Если обратиться к историческим событиям, в частности, к манифесту Петра I от 15 апреля 1702г. о приглашении иностранцев на поселение в Россию, а также к «Манифесту о даруемых иностранным переселенцам аванжах и привилегиях» и «Указу об учреждении Канцелярии опекунов иностранных переселенцев» Екатерины II и их последствиям, то мы можем наблюдать, что из всех прибывших в Россию иностранных поселенцев наибольшую часть составляли именно немцы. Они заняли самые разные социальные ниши, начиная с крестьян и ремесленников и заканчивая деятелями науки и военными кадрами. Соответственно, немец был достаточно хорошо знаком русскому народу, а значит, вполне закономерной представляется тенденция изображения в русских пословицах немца как всякого чужестранца, как всякого «другого», «непохожего», как собирательного образа для всех представителей западноевропейского мира.

В русской народной сказке «Чего на свете не бывает» нет немца как конкретного, самостоятельного персонажа, однако здесь он как раз выступает в качестве представителя всего «непохожего», «другого», «чужестранного» и, возможно, лучшего («Хитры немцы, — думает, — у них, может, все бывает. Ну да скажу еще что-нибудь!»)⁵⁶

В сказке «Батюшка-немец» управляющий немецкого происхождения изображается как носитель неправославной, а значит «ложной» религии, чуждых русскому человеку ценностей. По сравнению с русским, он на порядок менее умен, хитер и смекалист. Здесь он откровенно выступает в качестве предмета насмешек и злых шуток, а причиной тому является его

⁵⁵ Папилова Е. В. Художественная имагология: немцы глазами русских (на материале литературы XIX в.): автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 2013. 21 с.

⁵⁶ В.П.Аникин. Сказки народов мира. Т. 1 : Русские народные сказки / сост., вступит. ст., примеч. В. П. Аникин, илл. И. Я. Билибин, 1987. – С.94.

отказ соблюдать православные религиозные праздники («Староста принес образ.

— Ну, это доска! — говорит немец. — Мне она ничего не сделает, и сам буду работать, и вы не ленитесь»⁵⁷)

В петербургском городском фольклоре стереотип немца также встречается. В.Н.Топоров в своей работе «Петербург и «Петербургский текст русской литературы» говорит о том, что представления о «немецком духе» Петербурга нашли свое отражение в песнях, которые можно было услышать на народных гуляниях на Марсовом поле:

А это город Питер,
Которому еврей нос вытер
Это город — русский,
Хохол у него французский,
Рост молодецкий,
Только дух — немецкий!
Да это ничего: проветрится!
Воды в нем — тьма-тьмушая:
Река течет пребольшушая,
А мелкие реки не меряны,
Все счета им потеряны..⁵⁸

Понятие «немецкое качество» активно использовалось на ярмарках для привлечения покупателей, так как немецкое происхождение в то же время выделяло тот или иной товар как нечто диковинное, необычное и в то же время добротное, сделанное «на совесть».

Кроме того, представители немецкой диаспоры нередко становились предметом насмешек, выраженных в представлениях театра Петрушки, в некоторых русских народных песнях, дразнилках и анекдотах. Особенно

⁵⁷ А. Н. Афанасьев Русские заветные сказки. — СПб.: ТОО «Бланка», АО «Бояныч», 1994. — С.276.

⁵⁸ Топоров В.Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» // Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. М.: Прогресс; Культура, 1995. — С.262.

популярными в этом ключе становятся неправильная, ломаная речь немцев, пытающихся говорить по-русски, а также противопоставление русского национального характера немецкому (последний зачастую изображался тщедушным и комичным). Кроме того, автор отмечает, что в XVII-XIX вв. довольно популярной темой для анекдотов в дворянской среде стала тема «немецкого засилья» в правящих структурах.

Исследователи культуры также уделяют внимание такому жанру, как лубок. Отмечается, что лубочные изображения отражают восприятие русским народом немца как собирательного образа всех иностранцев, неправославных, неправедных, тех, кто будет обречен на суд Божий. Также встречаются изображения немцев в повседневной жизни, здесь все та же насмешка над ломаной русской речью, немецкой экономностью и т.д.

Приняв во внимание все вышесказанное, можно сделать вывод о том, что в фольклоре отражены наиболее распространенные в русском народе представления о немце: он является олицетворением всего «чужого», «непохожего», он иноверец, неправедный, иногда - соперник на поле боя. В то же время он умен, многому научен, делает свою работу «на совесть», всегда ручается за качество, но при этом зачастую не знает самых простых вещей, из-за чего его легко обмануть. Педантичный, экономный и расчетливый немец выглядит в глазах русского комично. Прибавить к этому ломаную русскую речь, выраженный немецкий акцент, и тема для шуточных песен и дразнилок готова. Русский, в свою очередь, обладает некоей природной смекалкой, тем, что намного сильнее и выше учености и расчетливости немца и позволяет русскому всегда быть на шаг впереди.

§3.2 Имидж

В.Б.Земсков в одной из своих работ предостерегает от смешения понятий «стереотип», «имидж» и «образ» и предлагает выделить понятие «имидж» как «специфический имагологический инструмент»⁵⁹. Автор говорит о том, что главной задачей имиджа является конструирование

⁵⁹ На переломе: Образ России прошлой и современной в культуре, литературе Европы и Америки (конец XX - начало XXI вв.) / отв. ред. В. Б. Земсков. - М. : Новый хронограф, 2011. - С.19

определенного представления о «другом», которое может быть использовано в целях идеологической пропаганды, а также геополитической борьбы на международной арене.

Об имидже мы можем говорить, если обратимся к эпохе Нового времени, когда в процессе борьбы за колонии европейские государства создавали так называемые «легенды» о самих себе и друг о друге для того, чтобы дать определенное, выгодное для себя объяснение своей колониальной политики (здесь В.Б. Земсков приводит в пример Испанию и Англию и их «розовую» и «черную» легенды).⁶⁰ Однако наиболее ярко имидж проявляет себя как инструмент политической пропаганды, начиная со второй половины XIX века, далее в XX веке и наибольшую силу приобретает на рубеже XX-XXI веков, когда политтехнологи располагают широким спектром самых разнообразных каналов и методов, с помощью которых можно создавать и транслировать тот или иной имидж. Он может конструироваться на основе пришедших к нам из прежних времен стереотипов, а может и создаваться с нуля. В.Б. Земсков говорит о том, что созданные теорией цивилизаций, философией истории и культурологией «понятийно-логические»⁶¹ структуры, дающие более глубокие знания и более глубокую оценку «другого», чем стереотипы массового сознания, в руках политтехнологов и СМИ упрощаются, внедряются в область массового сознания по различным каналам и становятся инструментом пиар-кампаний.

Чтобы проиллюстрировать рассуждения В.Б. Земскова о механизме создания имиджа на конкретном примере, обратимся к сочинению Фридриха-Христиана Вебера - посланника Ганноверского двора в Петербурге – «Изменяющаяся Россия», изданному в 1721 году во

⁶⁰ На переломе: Образ России прошлой и современной в куль туре, литературе Европы и Америки (конец XX - начало XXI вв.) / отв. ред. В. Б. Земсков. - М. : Новый хронограф, 2011. - 696 с.

⁶¹ На переломе: Образ России прошлой и современной в куль туре, литературе Европы и Америки (конец XX - начало XXI вв.) / отв. ред. В. Б. Земсков. - М. : Новый хронограф, 2011. - 696 с. - С.20

Франкфурте. В этой работе Вебер затронул темы уличной жизни города, быта населения, а также застройки города (к примеру, автор дает описание строительства Петропавловского собора). Нравы русского народа, как пишет Ф.Х. Вебер, суровы, к примеру, в русской семье муж бьет жену. При этом автор смещает акцент на то, что женщины терпят побои только потому, что отказываются во всем повиноваться мужу, а вместо этого ведут себя разнузданно, предаются пьянству, не следят за хозяйством, не выполняют работу по дому. Если же и физическое перевоспитание не помогает, то муж может предоставить жене и детям полную свободу, а сам уйти к другой. Если жена видит, что муж ее уже не бьет, она делает вывод о его неверности и может сказать, что, если ее больше не бьет, значит он ее больше и не любит⁶². Хотелось бы напомнить, что ранее, в своих «Записках о Московии» барон Сигизмунд фон Герберштейн, прибывший в Россию в начале XVI века, также затрагивал эту тему и писал о том, что в русской семье присутствует насилие.⁶³ Вебер же не только подтверждает этот тезис, но также добавляет свои рассуждения, видимо, пытаясь найти разумное объяснение этого феномена. Аргументы, которые он для этого использует также содержат в себе те характеристики, которые составили наиболее распространенное представление о русских: грубость, жестокость, распутство, пьянство, склонность к безнравственному поведению и сумасбродству. Качества конкретного человека или группы людей, проявившиеся в определенной ситуации и в определенном отрезке времени, были, таким образом, перенесены на народ в целом как его постоянные и неизменные признаки. Вполне закономерным является предположение о том, что автор, как и его предшественник, сделал в этом вопросе недопустимое обобщение, которое внесло свой вклад в развитие и закрепление в сознании его читателей различных предрассудков о русских.

⁶² Вебер Ф.-Х. Преображённая Россия: Новые записки о нынешнем состоянии Московии. - СПб., 2011. - 304 с.

⁶³ Heinz Dopsch, Herberstein, Sigmund von, in: Biographisches Lexikon zur Geschichte Südosteuropas. Bd. 2. Hgg. Mathias Bernath / Felix von Schroeder. München 1976, S. 148-150 [Onlineausgabe]; URL: <http://www.biolex.ios-regensburg.de/BioLexViewview.php?ID=952>, abgerufen am: (05.02.2017)

Любопытно также описание популярного развлечения – зимнего катания с гор в окрестностях Петербурга, также приведенное Вебером.

«Находили высокую крутую гору и зимой один из ее склонов сверху донизу поливали водой, затем закидывали соломой и до тех пор повторяли это поочередно, пока не образовывался толстый лед. На вершине горы стоял стол, заставленный водкой, с которого катавшиеся получали сперва выпить «на дорожку». Вместо санок для спуска использовался тонкий коврик из соломы примерно два локтя длиной и один локоть шириной. На коврик один за другим садились три человека. Первый захватывал ногами передний край коврика, чтобы он не выскальзывал. Второй обнимал первого под руками и охватывал ногами его туловище. Третий и последний проделывал то же самое по отношению к сидящему в середине. Когда все трое были готовы к отъезду, подавался знак подтолкнуть их, и уж тогда от всех троих требовалось быть особенно осторожными и все время держать ноги поднятыми вверх, если они не хотели подвергнуться риску споткнуться и покалечиться, так как, скользя, стрелой летели вниз, и брюки, если не были прочными, рвались на куски. Как только их толкали сверху, начинали играть литавры и трубы, звук которых сопровождался криками зрителей и самих спускавшихся. И я могу на собственном опыте подтвердить, что когда был всеми остальными вынужден также проделать этот спуск и счастливо завершил гонку, я от головокружения почти ничего не слышал и не видел». ⁶⁴

Интересный культурологический материал представляет работа Людвиг фон Платена - его поэма «Reise-beschreibung der Kolonisten, wie auch Lebensart der Russen, von einem Offizier Plathen» («Описание путешествия колонистов и образ жизни русских, составленное офицером Платеном»), которая сохранилась в памяти потомков немецких колонистов.

⁶⁴ Weber F.-Ch. Des veraendertes Russlandes Zweyter Theil... Hannover, 1739. S. 162 – 163.

Кроме того, она служит важным источником для исследователей культуры и образа жизни русских немцев.

Сам автор - прусский офицер - потерпел большую неудачу в военной карьере и лишился всего, что у него было. Себя он считает глубоко несчастным человеком, вынужденным любыми способами добывать средства к существованию. Платен решает попытать удачу на службе Российской империи. Манифест императрицы Екатерины II обещал большие привилегии и, казалось бы, давал возможность главному герою поправить свое бедственное положение.

Drauf resolvirt es mich	Вот тут-то и решил
Auch mit dahin zu gehen,	Я счастья попытать,
Ob ich mein glueck nicht konnt'	Которое могло б
In Russland bluhem sehen ⁶⁵	В России расцветать

Путешествие выдалось не из легких: судно, на котором офицер отправился на чужую землю, периодически попадало в шторм, продовольствие быстро заканчивалось, вдобавок к этому его мучила тоска по Родине. Его надежды поступить на военную службу по прибытии в Петербург не были оправданы. Не имея ни копейки в кармане, Платен полностью зависел от чужих людей. Остаться в столице ему не удалось, офицер последовал вместе с остальными колонистами дальше на Нижнюю Волгу. Это путешествие продлилось 40 дней, Платен вместе с другими мужчинами проделал его пешком. Дело шло к зиме, погодные условия были плохими, многие болели, были и те, кто умер по дороге. Идти было очень тяжело, постоянно ощущались голод и сильная усталость. Селения, в которых они останавливались производили на Платена гнетущее впечатление, усиливавшееся все приближающейся суровой русской зимой.

⁶⁵ Reise-Beschreibung der Kolonisten, wie auch Lebensart der Russen (1766-67) // Клаус А. Наши колонии. СПб, 1869. Приложение I, с. 1

О быте русских крестьян он и вовсе отзывался с нескрываемым негодованием. Платен говорил об их тяжелом положении, об их невежественности и несправии. Он описывает быт Матушки (Matschka) и Батюшки (Batschka), у которых его оставили на постой. Они не отличаются гостеприимством, живут в бедности, у них много детей, но мало средств к комфортному существованию, хозяйство не налажено. Предметы обихода весьма скромные, одежда сделана из таких материалов, которые не могут согреть в лютую стужу. Из слов Платена видно, что он считает русских далеко не самыми трудолюбивыми людьми, а раз они мало трудятся, значит и не удивительно, что они живут в темной избе, дышат чадом от печки, спят на лавках, не имеют хорошей сытной пищи, хороших тканей, сильных быстроходных лошадей и т.д.

So arbeitet er nicht viel,	На работе не потели,
Er lebt auch herzlich schlecht;	Потому и жизнь проста.
Der Herr geht wie der Knecht.	Ни шелков, ни серебра
Kein Silber, Seidenzeug;	Никогда здесь не имели.
Nur lauter Leinwan-sachen;	Всю одежду изо льна
Das lässt er sich im Haus	Шьёт хозяйина жена.
Von seiner Matschka machen ⁶⁶	Обличьем каждый здесь протак
	Что хозяин, что батрак.

По прибытии в Саратов - конечный пункт путешествия - прусскому офицеру пришлось переквалифицироваться в крестьянина.

Ihr Bauern, treten aus!	Землю и пески
Man ruft euch Kolonisten,	Нам за час раздали.
Hier gibt kein Buerger nicht,	«Крестьяне здесь нужны.
Und kein' Professionisten,	А мастера - едва ли.

⁶⁶ Reise-Beschreibung der Kolonisten, wie auch Lebensart der Russen (1766-67) // Клаус А. Наши колонии. СПб, 1869. Приложение I, с. 6

Kein Aedel-Charakter,	Не нужны военные
Kein Amtrecht, kein Offizier.	С дворянскими корнями.
Ihr musst nun Bauern sein,	Чиновников?- своих полно.
Da ist kein Rat dafuer ⁶⁷	Все будете крестьяне!»

Подобная перспектива была явно не по душе Платену, сама мысль о том, что ему теперь придется стать мужиком, приводила его в отчаяние.

Ich dachte hin und her:	Я думал так и этак.
Soll ich ein Bauer sein?	В крестьяне? Чёрта с два!
Da schlage Pulwer, Blei	Уже и так довольно
Und alle Flamm hinein! ⁶⁸	Свалял я дурака!

Заканчивает Платен свою поэму словами, в которых чувствуется смирение, смешанное с тоской по родине и по несбывшимся надеждам. Теперь бывшему офицеру, дворянину, как и другим его братьям-колонистам, суждено работать не покладая рук, чтобы добыть хоть какие-то средства к существованию. Остается лишь надежда на то, что Бог рано или поздно воздаст тем, кто трудится с усердием и не ломается под гнетом неудач и лишений.

Для понимания интерпретации образов (имиджей) представителей высшего света русского общества носителями немецкой культуры стоит обратиться к дневникам полковника Фридриха Гагерна, который посетил в 1839 г. Россию в свите принца Александра, старшего сына принца Оранского. Посольство побывало в Петербурге, Москве, Варшаве, осмотрело лагерь русских войск при Бородине и приняло участие в торжественной закладке храма Христа Спасителя.

⁶⁷ Reise-Beschreibung der Kolonisten, wie auch Lebensart der Russen (1766-67) // Клаус А. Наши колонии. СПб, 1869. Приложение I, с. 7

⁶⁸ Reise-Beschreibung der Kolonisten, wie auch Lebensart der Russen (1766-67) // Клаус А. Наши колонии. СПб, 1869. Приложение I, с. 8

Путешествие начинается с многочисленных и довольно утомительных визитов. Гагерн передает впечатление, которое на него произвели члены императорской фамилии. Николай – могущественный монарх, поистине выдающаяся личность, он красив, благороден, обладает внешностью волевого, сильного духом человека. Гагерн отмечает в качестве недостатка привычку императора по 5-6 раз в день менять мундиры. Возможно, в его глазах такая особенность выглядит излишним щегольством, что, никак не сходится с образом делового человека. Гагерн старается быть беспристрастным при описании характера самодержца. Он признает, что Николай – человек необыкновенно деятельный, при этом требовательный как к окружающим, так и к самому себе.

Его супруга – императрица Александра Федоровна – женщина слабая здоровьем. Она добра, нежна и предана всей душой своему мужу. Дети прославленной четы имеют много схожих черт со своими родителями. Наследника престола Гагерн характеризует как добродушного юношу, не имеющего еще столь твердого отцовского характера, зато великая княжна Мария Николаевна в полной мере унаследовала от Николая эту черту. Великая княжна Ольга Николаевна является для Гагерна олицетворением того, к чему влечет русских – легкости, кротости и доброте души. Эти и другие дочери императора должны в будущем выйти замуж за представителей немецкой знати.⁶⁹

Бросается в глаза вопрос, оставленный автором без ответа посреди повествования: «Вообще, кто может предвидеть будущее в этой стране?»⁷⁰ Нелегко догадаться, что имеет ввиду чужеземец: связано ли это его вопрошание в никуда с теми противоречивыми линиями, которые российские монархи проводили во внутренней и внешней политике или же это переиначенное Тютчевское «Умом Россию не понять..» ?

⁶⁹ Лимонов Ю.А. Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев .Л.: Лениздат, 1991. – 719 с.

⁷⁰ Лимонов Ю.А. Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев .Л.: Лениздат, 1991. – С.668

Кроме того, немец выделяет еще одну характерную, на его взгляд, для русских черту: они любят похвалиться. Главным поводом для этого служит - сделать что-либо грандиозное по масштабам в кратчайшие сроки. При этом важны размер и скорость, но не качество, продуманность деталей и красота. Вообще, Гагерн на протяжении своего рассказа, пусть и сам не преследуя такой цели, подчеркивает тягу русской знати к масштабу, к величественности, к большим пространствам, пышности, стремление окружить себя блеском и роскошью, не уделяя внимания при этом прочности и долговечности конструкции. Зимний дворец настолько велик, что в нем с легкостью можно заблудиться, и украшен так, что взгляд разбегается. Сам Петербург - огромный многонациональный город, построенный с нуля за одно столетие на местности, совершенно не благоприятной для здоровья. Природа здесь, по словам Гагерна, не отличается особым разнообразием, равно как и люди, внешне грубые и довольно безобразные.

Постоянная жажда праздника, переменчивость во вкусах, в нарядах, следующие друг за другом пышные торжества - то, что отличает русскую знать. Своим стремлениям богатейшая часть русского общества отдается без остатка, что порой чревато потерей целого состояния (это, однако, не заставляет их заботиться о завтрашнем дне). Изысканные угощения, которыми хозяева стараются удивить своих гостей, для немца, в сущности не что иное, как обычная еда, не заслуживающая таких больших затрат. Вообще характерной чертой русского общества является стремление во всем выставить напоказ только самое хорошее, чтобы произвести впечатление, скрыв при этом за красивым фасадом все плохое и неприглядное.

Гагерн признает величие людей, творивших историю Российской империи, признает также и могущество последней. Петр I для него - выдающийся правитель, поставивший свое государство на путь ускоренного развития. Иногда, отмечая успехи России в той или иной

области, Гагерн отмечает, что эти успехи делает «цивилизация» и что русская нация обладает «гением подражания»⁷¹, т.е. строит свое светлое будущее на основе европейских образцов.

При этом от взгляда Гагерна не ускользают и недостатки существующего режима, о них он говорит откровенно. Это упадок административного аппарата, коррупция, социальная несправедливость, жесткая цензура, в угоду которой искажаются исторические факты. Также он поражается нищете, в которой живут крестьяне. Немного лучше обустроен быт немецких колонистов в Петергофе, они говорят на родном чистом немецком языке, занимаются разведением овса и картофеля, хранят прежнее вероисповедание, но уже не помнят свою Родину.⁷²

Для анализа имиджа немца в периодической печати обратимся к русской периодике начала XX века. Особенно интересны в указанном периоде материалы, ставшие довольно мощным оружием для пропаганды борьбы с «немецким засильем». К примеру, газета «Речь» в статье «Не троньте школы» от 14 октября 1914 года опубликовала письмо неизвестного автора, возмущенного доносом на учительницу своей дочери. «Немку, русскую подданную во многих поколениях, быть может, имеющую близких людей в нашей армии на войне, превратили в германскую подданную. Русские национальные цвета - в германские. Стихотворение Гейне, скончавшегося более полувека тому назад, - в гимн Вильгельму II. На основании слов какой-то глупой девочки, быть может, обиженной плохой отметкой, состряпали донос на учительницу с обвинением в германофильстве и довольны!»⁷³ Кроме того, публицист С. Любош в газете «Современное слово» задается вопросом: «...Кто поступает умнее - немцы, изучающие русский язык, читающие Диккенса, Толстого, Гюго, Тургенева,

⁷¹ Лимонов Ю.А. Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев .Л.: Лениздат, 1991. – 719 с. - 672

⁷² Лимонов Ю.А. Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев .Л.: Лениздат, 1991. – 719 с.

⁷³ А. И. Не троньте школы / А. И. // Речь. - 1914. -14 октября (№ 277). - С. 2

или те русские, которые воюют с немецким букварем и немецкими вывесками...?»⁷⁴ Еще один публицист того времени Л.Е.Владимиров в одном из номеров «Голоса Москвы» писал следующее: «Я понимаю: разогнать немецкое промышленное нашествие, вытравить немцев из всех щелей русской жизни, покрытой паутиной германского добытничества, не покупать их товаров, не лечиться у них, не ездить к ним, не входить с ними ни в какое общение, – все это я понимаю, всему этому я сочувствую от всей души. Но отказаться от Гете! Нужно сначала основательно с ума сойти, а потом уже это сделать».⁷⁵ В то же время, в публицистике существовали заметки, выражающие диаметрально противоположную точку зрения. К примеру, газета «Вечернее время» опубликовала письмо, автор которого сообщал, что в Смольном институте, где обучалась его дочь, «немки», «немецкая речь» и «немецкий дух», несмотря на все распоряжения со стороны правительства, не оставляют в покое «наших бедных детей и жестоко оскорбляют их чуткие души»⁷⁶

Можно сказать, что русское общество того времени разделилось на два лагеря: одни настаивали на полном очищении России от «немецкого засилья» и прекращении использования немецкого языка, другие, напротив, выступали против любого рода гонений, направленных на немцев, утверждая, что подобного рода действия нанесут ущерб самой русской культуре. Для одних германский народ был подлинным носителем культуртрегерской функции, автором шедевров мировой культуры, а присущая ему любовь к кропотливому труду, расчетливость, основательность во всем, стремление довести любое дело до совершенства внесли существенный вклад в развитие и становление Российской империи. Для других немец был представителем всего чуждого и

⁷⁴ Любош, С. Заметки / С. Любош // Современное слово. - 1915. - 21 февраля (№ 2552). - С. 1

⁷⁵ Владимирив, Л. Е. Следует ли бойкотировать Гете? / Л. Е. Владимирив // Голос Москвы. - 1915. - 2 апреля (№ 75). - С. 1.

⁷⁶ Отец. Письмо в редакцию / Отец // Вечернее время. -1914. - 6 ноября (№ 930). - С. 1.

инородного, внедрившимся и прочно осевшим, благодаря присущей ему хитрости, в социальной структуре российского общества. В этих кругах было популярно утверждение, что уже три столетия в высших эшелонах власти держится «немецкое засилье», мешающее России развиваться дальше по своему собственному пути. Политическая обстановка и публикации в прессе во время войны еще больше накалили ситуацию: теперь немец, живущий в России, в глазах части общества стал врагом, шпионом, подрывающим основы государства и т.п.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что имидж, формируя все же поверхностное представление о «другом», «чужом», тем не менее, оказывает сильное влияние на массовое сознание и может послужить основой для различного рода пропаганды, формирования и закрепления в общественном сознании определенных предрассудков и стереотипов о «другом», зачастую не имеющих ничего общего с реальностью или являющихся правдой только для определенной группы людей в определенном историческом периоде. Имидж может меняться с течением времени, решающим фактором в этом отношении является влияние на массовое сознание общественно-политических процессов, протекающих как внутри государства, так и на международной арене.

§4.3 Образ

Говоря об образе, прежде всего, следует, вслед за В.Б.Земсковым, пояснить, что данное понятие здесь употребляется не как характеристика имагологического образа страны в целом (к примеру, образ Германии, образ Франции и т.д.), а как образ человека, создаваемый литературой и искусством.⁷⁷

Стереотип прост и однозначен, образ - целый мир, глубокий, многогранный и многосложный, открывающий возможность разделения на

⁷⁷ На переломе: Образ России прошлой и современной в куль туре, литературе Европы и Америки (конец XX - начало XXI вв.) / отв. ред. В. Б. Земсков. - М. : Новый хронограф, 2011. - 696 с.

отдельные части, аспекты, стороны, но при этом сохраняющий свою целостность.

Истинное искусство создает такие образы, которые отображают национальный характер во всей его сложности, противоречивости и неоднозначности. Видение подлинного художника отличается многогранностью, плюралистичностью, оно рисует многомерный образ «другого» не как «другого»/«чужого», а как «*другого*»/«*иного*», предостерегает нас от вынесения каких-либо оценочных суждений, постулирует мысль о том, как важно понимать, что все мы разные, и уважать при этом право «другого» быть таковым. При этом «другой» не выступает в художественном произведении как собирательный образ, олицетворяющий собой все иноземное и чуждое. Автор непременно показывает нам, что «других» много, они бывают разные: и схожие определенными чертами и несхожие.

В своей работе В.Б.Земсков отмечает способность высокого искусства создавать «вечные образы» (Дон Кихот, Фауст и т.п.), которые несут в себе характеристику целой страны и ее культуры. При этом, как утверждает автор, с ходом истории искусство вносит в эту характеристику свои коррективы, не отменяя при этом предыдущие.⁷⁸ Действительно, трудно переоценить ту роль, которую сыграли творения таких гениев, как Лермонтов, Пушкин, Достоевский, Гоголь, Толстой, Чехов, Блок, Станиславский, Шаляпин, Рахманинов, Малевич и многие другие художники и мыслители в восприятии России и русской культуры в Европе. В такой же степени знаковыми именами немецкой культуры не только для самой Германии, но и для России стали Гёте, Шиллер, Гофман, Бетховен, Вагнер, Фридрих, Кант, Гегель, Т.Манн, Г.Манн...

⁷⁸ На переломе: Образ России прошлой и современной в куль туре, литературе Европы и Америки (конец XX - начало XXI вв.) / отв. ред. В. Б. Земсков. - М. : Новый хронограф, 2011. - 696 с.

Покажем на следующих примерах, что художественное произведение, обладая известной степенью условности, отражает те глубинные свойства национального характера, которые вряд ли могут быть раскрыты каким-то другим способом.

В повести Н.В. Гоголя «Невский проспект» петербургские немцы помещены в ряд основных персонажей. Немцы Гоголя - мещане, зарабатывающие на хлеб честным трудом. Писатель дает им имена великих немецких романтиков - Шиллера и Гофмана. Однако, познакомившись с героями поближе, читатель понимает, что, кроме имени, ничего общего с прославленными немцами они не имеют. Шиллер, живущий на Мещанской улице, - жестяных дел мастер, а Гофман - сапожник. Оба они отличаются излишней финансовой бережливостью, которая однажды чуть не нанесла непоправимый ущерб носу одного из них. Хотя о Гофмане автор подробно не рассказывает, портрет Шиллера читатель вполне может себе представить.

Шиллер распланировал себе наперед всю жизнь и никогда от утвержденного порядка не отступал. Его цель - собрать за десять лет капитал в пятнадцать тысяч - заставляла его решительно отказывать себе в малейших излишествах и терпеть любые неудобства. Гоголь доводит такую последовательность Шиллера до крайней формы абсурда и комичности, рассказывая, например, что он положил себе не целовать жену более двух раз в день и непременно быть пьяным каждое воскресенье. Однако при этом работу свою он выполняет на совесть, оправдывая уже в то время сложившееся представление о «немецком качестве». Даже Пирогову - казалось бы, обидчику - он не может отказать в изготовлении шпор и делает их качественно, сдержав свое слово. Узнав развязку всей истории, мы понимаем, что, наряду с излишней бережливостью и приверженностью к порядку, доходящими порой до абсурда, в Шиллере также есть такие качества, как преданность своему слову, исполнительность, честность,

усердие. Он ревностно относится к тому, что ему дорого, и мы скорее симпатизируем этим его чертам, чем беспечности и развязной веселости офицера Пирогова.⁷⁹ Следует, однако, заметить, что данные образы созданы Гоголем в рамках комического жанра, в них присутствует доля карикатурности, а яркие черты характера гиперболизированы. Тем не менее, мы с необходимостью отмечаем их живость, художественность и глубину, сохраненные благодаря гению писателя.

Образ немца занимает особое место в творчестве Н.С.Лескова. Роман «Островитяне» - произведение, в котором автор представляет читателю характеры и быт «петербургских немцев». Н.С.Лесков изображает семью петербургских немцев - обитателей Васильевского острова. Семья Норк - яркие представители мещанства. Они живут благополучно, их быт давно налажен. Мать - Софья Карловна - прекрасная хозяйка, несмотря на смерть главы семейства, сумевшая взять благополучие детей в свои руки. В семье растут три дочери: Берта, Ида и Маня (или Маньхен, как ее на немецкий манер ласково называл покойный отец). Ида и Маня - младшие сестры, девочки, обладающие тонким душевным складом. Они только начинают постигать жизнь, воспринимают все происходящее особенно остро. Берта - самая старшая, человек, для которого важна стабильность, уверенность в завтрашнем дне и спокойствие. Она первая из всех сестер выходит замуж, как она считает, счастливо, ведь ее жених Шульц - хороший человек, прекрасно ведет хозяйство. Он стремится к своей цели - построить дом, и непременно это сделает, следуя плану с неукоснительной точностью. Автор снова изображает характерные черты немца - расчетливость, педантичность, аккуратность во всем.

Однако в этой дышащей спокойствием семье разыгрывается настоящая драма. Самое большое несчастье выпадает на долю Мани - самой младшей из сестер. Именно ей приходится пережить муки безответной любви и

⁷⁹ Н. В. Гоголь. Полное собрание сочинений в 14 томах. Т. 3. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1938. - 725с.

предательства, лишиться чести, родить мертвого ребенка от того, кто так жестоко воспользовался ее доверчивостью и наивностью. Девочка не смогла выдержать столь тяжелых ударов судьбы и сошла с ума. Виновник происшедшего – художник Истомина, собиравшийся стреляться на дуэли с Шульцем, был остановлен самой сильной, решительной и волевой девушкой – Идой. Именно она смогла предотвратить новую трагедию в семье Норк.⁸⁰

Читая роман, мы замечаем, что автор пытается занять позицию стороннего наблюдателя, стремится показать нам черты немецкого характера и быть при этом максимально беспристрастным. У нас не остается иного выхода, кроме как переживать вместе с героями, сострадать им. Нам становится понятно, что, на каком бы языке ни говорил человек, к какой нации он бы ни принадлежал, он способен любить, оберегать то, что ему дорого, способен страдать, быть потрясенным до глубины души и в этом страдании обретать величие.

Настоящее столкновение контрастных образов русского и немца мы можем наблюдать в романе И.А.Гончарова «Обломов». Автор сделал Илью Обломова и Андрея Штольца носителями важнейших черт своего народа и поставил вопрос глобально: кто из них более способен к тому, чтобы действовать на благо родины? Илья Обломов – русский помещик, изнеженный с самого детства всеобщей безграничной опекой и заботой. Смысл жизни и труда он видит в отдыхе, который дает возможность уйти в мир грез. Он равнодушен ко всему, что происходит в его жизни и только надеется на то, что все разрешится само собой, без его участия, ведь принятие решения неизбежно сопряжено с необходимостью выбора, с усилием воли и твердостью характера. Полной противоположностью ему является Андрей Штолец – «...немец только вполнину, по отцу; мать его была русская; веру он исповедовал православную, родная речь его была

⁸⁰ Н. С. Лесков. Собрание сочинений в 11 томах. М.: Государственное издательство художественной литературы. Т. 3, 1957. - 581 с.

русская...»⁸¹. Однако при этом Штольц - человек деятельный, целеустремленный, самостоятельный, в нем проявляются черты немецкого характера. Он необыкновенно энергичен, напорист, бережлив. Он уже многого достиг в жизни: учился в Петербурге, служил, благодаря предпринимательству составил себе капитал и обзавелся домом, много путешествовал по России и Европе. Штольц вобрал в себя уже множество выделенных ранее черт немецкого национального характера. Необходимо, однако, отметить то, что автор усложняет биографию своего героя, делая его немцем лишь наполовину, соединяя в его характере одновременное влияние русской и немецкой культуры. В русле этого сочетания формировались его душевные качества. Образ Штольца является новаторским для своего времени, он нетипичен, в нем нет четкой выраженности национального характера и присущих ему черт. Однако ошибочно было бы посчитать это художественной неудачей, постигшей автора. Неоднозначность и сложность характера Штольца является несомненным достоинством романа.

«Обломовщина» здесь ставится как диагноз российскому обществу, и вот, казалось бы, Андрей Штольц - наш спаситель. Однако мы с неизбежностью замечаем, что, как Илье Обломову не хватает целеустремленности, самостоятельности и трудолюбия Штольца, так и самому Штольцу не хватает непосредственности, сердечности и доброты Обломова. Мы понимаем, что оба эти образа скорее доведены до крайности в своих характерных чертах, и что здесь ставится вопрос не только о будущем спасении России, но и вопрос о гармоничной личности.

Итак, мы видим, что, в отличие от стереотипа и имиджа, художественный образ обладает неисчерпаемой глубиной, целостностью, он многогранен и многозначен. Образ вбирает в себя характерные черты национальной культуры, открывая исследователю бесконечное количество

⁸¹ И. А. Гончаров. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 4. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1953. - С.244

возможностей для анализа и интерпретации. Литература рисует живые национальные характеры, стремясь при этом воссоздать их сложность и глубину, предостерегая нас от выставления какой-либо оценки и открывая путь к пониманию «другого» именно как «инового», а не «чужого».

Заключение.

Значимость имагологического анализа для сравнительного изучения культур

Имагология как качественно новое научное направление в настоящее время находится на стадии интенсивного развития. Некоторые её теоретические аспекты еще недостаточно разработаны. Предстоит систематизировать употребление понятий и терминов; внести большую ясность в методологию исследования образа «чужого» как представителя изучаемой культуры; создать типологию текстов, являющихся источниками имагологического анализа. Существует дискуссия по поводу того, какие направления исследований можно выделить внутри самой имагологии. К примеру, Е.В.Папилова предлагает разделить имагологию на следующие направления: литературное, фольклорное, историческое и социологическое. К ним она добавляет такие понятия, как «художественная имагология» и «литературоведческая имагология».⁸² Эти направления выделяются на основании различия предмета, источника и метода анализа материала в каждом из них.

На этих же основаниях можно выделить такое направление в имагологии, как *культурологическое*, тем более, что имагологический анализ предоставляет исследователю право пользования широким спектром источников, являющихся текстами культуры. Фундаментом теоретических построений могут служить произведения художественной литературы, исторические источники, позволяющие дать характеристику

⁸² Папилова Е. В. Художественная имагология: немцы глазами русских (на материале литературы XIX в.): автореф. дисс. к. филол. н. М., 2013. 21 с.

той или иной культурной эпохи, библиографические сведения об авторе, фольклор (различные сказки, предания, анекдоты, пословицы, поговорки и т.д.), публицистика, мемуары, письма и другие тексты культуры

В рамках имагологии, мы имеем возможность создать системный анализ этих источников, в котором особо важным представляется выделение в коллективном портрете того или иного этноса значимых для нас констант изучаемой культуры. Кроме того, имагологический анализ дает нам характеристику не только «чужой», воспринимаемой культуры, но и культуры воспринимающей. Мы видим портрет не только того, о ком говорят, о ком судят, но и портрет того, кто говорит, кто судит.

В фольклоре, к примеру, народ выражает представления о «другом» народе, создает простой статичный образ, отражающий, как правило, одну характерную черту «чужого» персонажа, при этом воспроизводя собственное миропонимание. Публицистика и другие материалы СМИ отражают социально-политическую обстановку той или иной исторической эпохи, а также настроения общества; здесь мы видим образ более «политизированный», также не отличающийся глубиной, и служащий, как правило, для достижения определенных политических целей. Художественная литература, в свою очередь, рисует совсем иной, глубокий и многогранный мир образов. Она как будто воспроизводит саму жизнь во всей ее яркости и неоднозначности, персонажи в ней живые, но в них отражается менталитет нации. Следует учитывать то, что способ построения образов зависит от жанра, в котором работает автор. Здесь важными для нас являются сведения о том, жизнь представителей какой социальной ниши показывает нам автор, какие образы он рисует, какими качествами наделяет своих героев и через какие духовные изменения заставляя их пройти. Эти же аспекты интересовали нас, когда мы анализировали образы Германна («Пиковая дама» А.С.Пушкина), Андрея

Штольца («Обломов» И.А.Гончарова), Гуго Пекторалиса, юной Маньхен – героев Н.С.Лескова, Шиллера и Гофмана – персонажей «Невского проспекта» Н.Гоголя.

Имагологический (культурологический) анализ литературных произведений отличается от литературоведческого некоторыми чертами. Исследуя литературный текст, культуролог уделяет большее внимание мировоззренческим чертам характеров литературных персонажей, ищет в них типическое и стремится сконструировать гибкую модель национального характера, носителя определенной культуры. При этом опускаются аспекты, имеющие большое значение для литературоведа (стиль и язык автора, жанровые особенности произведения, структура произведения и т.д.).

Автор данной работы выражает надежду, что использование методов имагологии в анализе текстов культуры будет способствовать расширению поля культурологических исследований, особенно в области компаративистского исследования культур, и обновлению их методологии.

Список литературы

1. *А. И.* Не троньте школы / *А. И.* // Речь. – 1914. – 14 октября (№ 277).
2. *Аникин В.П.* Сказки народов мира. Т. 1 : Русские народные сказки / сост., вступит. ст., примеч. *В. П. Аникин*, илл. *И. Я. Билибин*, 1987. – 720 с.
3. *Арсентьева Н.Н.* Двойник // Достоевский: Сочинения, письма, документы: Словарь-справочник. СПб.: Пушкинский дом, 2008 – 468 с.
4. *Афанасьев А. Н.* Русские заветные сказки. — СПб.: ТОО «Бланка», АО «Бояныч», 1994. – 345 с.
5. *Белинский В. Г.* Собрание сочинений. В 9-ти томах. Т. 1. Статьи, рецензии и заметки 1834--1836. *Дмитрий Калинин*. Вступит. статья к собр. соч. *Н. К. Гея*. Статья и примеч. к первому тому *Ю. В. Манна*. Подготовка текста *В. Э. Богграда*. М., "Художественная литература", 1976. – 565 с.
6. *Борзова Е.П.* Сравнительная культурология. Т.1. Учебное пособие для высших учебных заведений – СПб, Издательство "СПбКО"-2013.-239с.
7. *Вебер Ф.-Х.* Преображённая Россия: Новые записки о нынешнем состоянии Московии. - СПб., 2011. – 304 с
8. *Владимиров, Л. Е.* Следует ли бойкотировать Гете? / *Л. Е. Владимиров* // Голос Москвы. – 1915. – 2 апреля (№ 75).
9. *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988. – 430 с.
10. *Гоголь. Н. В.* Полное собрание сочинений в 14 томах. Т. 3. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1938. – 725с.

11. *Гончаров. И. А.* Собрание сочинений в восьми томах. Т. 4. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1953. – 519 с.
12. *Даль В.И.* Пословицы русского народа: в 3 т. Т.2. М.: Худ. литература, 1984. – 382 с.
13. *Дима А.* Принципы сравнительного литературоведения. Москва: Прогресс, 1977. — 229 с.
14. *Достоевский Ф.М.* Собр. соч. в 15 тт. Т. 1. – 421 с.
15. *Земсков В. Б.* Образ России в современном мире и другие сюжеты / отв. ред., сост. Т. Н. Красавченко. М. ; СПб., 2015. –65с.
16. *Земсков В.Б.* На переломе: Образ России прошлой и современной в культуре, литературе Европы и Америки (конец XX - начало XXI вв.) / отв. ред. В. Б. Земсков. - М. : Новый хронограф, 2011. – 696 с.
17. *Земсков В.Б.* Образ России “на переломе” времен (Теоретический аспект: рецепция и репрезентация “другой” культуры) // Новые российские гуманитарные исследования. 2006. №1.
18. *Лесков Н. С.* Собрание сочинений в 11 томах. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. Т. 6. – 625 с.
19. *Лесков. Н. С.* Собрание сочинений в 11 томах. М.: Государственное издательство художественной литературы. Т. 3, 1957. Т. 3. – 581 с.
20. *Лимонов Ю.А.* Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев.Л.: Лениздат, 1991. — 719 с.
21. *Лотман Ю.М.* Структура художественного текста// Об искусстве. – СПб.: «Искусство – СПб», 1998 – 220 с.
22. *Любош, С.* Заметки / С. Любош // Современное слово. – 1915. – 21 февраля (№ 2552).

23. *Отец*. Письмо в редакцию / Отец // Вечернее время. –1914. – 6 ноября (№ 930).
24. *Ощепков А. Р.* Имагология // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 1. С. 251–253.
25. *Папилова Е. В.* Имагология как гуманитарная дисциплина // Rhema. Рема. 2011. №4.
26. *Папилова Е. В.* Художественная имагология: немцы глазами русских (на материале литературы XIX в.): автореф. дисс. к. филол. н. М., 2013. 21 с
27. *Поляков О.Ю.* Принципы культурной имагологии Даниэля-Анри Пажо // Вестник ТГГПУ. 2013. №2 (32)
28. *Полякова О.А.* Истоки отечественной имагологии // Концепт. 2016. №7.
29. *Полякова О.А.* Истоки отечественной имагологии // Концепт. 2016. №7.
30. *Пушкин А. С.* Собрание сочинений в 10 томах. М.: ГИХЛ, 1959—1962. Том 5. – 658 с.
31. *Рак В.Д.* Комментарии: Ф.М.Достоевский. Слабое сердце // Ф.М. Достоевский. Собрание сочинений в 15 томах. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1988. Т. 2. – 421 с.
32. *Репина Л. П.* «Национальный характер» и «образ другого // Диалог со временем. 2012. Вып. 39. с.9-19
33. *Сенковский О.И.* [рец. на] Мельгунов Н.А. Рассказы о бывалом и небывалом // Библиотека для чтения. 1834. Т. III. Отд. 6.
34. *Топоров В.Н.* Петербург и «Петербургский текст русской литературы» // Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. М.: Прогресс; Культура, 1995. – 624 с.
35. *Хализев В. Е.* Теория литературы: [Учебник для вузов] / В. Е. Хализев. - М.: Высш. школа, 1999. – 400 с.

36. *Чернец Л.В.* О тематике компаративистских исследований // Сравнительное литературоведение: Россия и Запад. XIX век: Учебное пособие. Под ред. Катаева В.Б., Чернец Л.В. М.: Высшая школа, 2008. – 352 с
37. *Dyserinck H.* Komparatistische Imagologie. Zur politischen Tragweite einer europäischen Wissenschaft von der Literatur // Europa und das nationale Selbstverständnis: Imagologische Probleme in Literatur, Kunst and Kultur des 19. und 20. Jahrhunderts. Bonn, 1988. S. 13–33.
38. *Heinz Dopsch.* Herberstein, Sigmund von, in: Biographisches Lexikon zur Geschichte Südosteuropas. Bd. 2. Hgg. Mathias Bernath / Felix von Schroeder. München 1976, S. 148-150 [Onlineausgabe]; URL: <http://www.biolex.ios-regensburg.de/BioLexViewview.php?ID=952>, abgerufen am: (05.02.2017)
39. Reise-Beschreibung der Kolonisten, wie auch Lebensart der Russen (1766-67) // Клаус А. Наши колонии. СПб, 1869. – 554 с.
40. *Schwiderska M.* Das literarische Werk F.M.Dostoevskijs aus imagologischer Sicht mit besonderer Berücksichtigung der Darstellung Polens. Muenchen,
41. *Weber F.-Ch.* Des veraendertes Russlandes Zweyter Theil... Hannover, 1739 – 430 S.